

УДК 8'276.6:504:238.2

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ-КОНЦЕПТЫ С НЕГАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Руденко Н.С.

Актуальность. В наши дни сохранение естественной среды обитания людей – биосферы – стало одной из глобальных проблем человечества. Этим объясняется то, что многие понятия современной экологии и, соответственно, выражающие их термины выходят за рамки узкоспециальной сферы употребления и, функционируя в текстах различных стилей и жанров, приобретают статус не просто терминов, а терминов-концептов. В ряду таких терминов-концептов, которые обозначают ключевые понятия современной экологии и широко употребляются в различных контекстах, стоят, например, экологический риск, загрязнение окружающей среды, техногенная авария, экологический кризис, экологическая катастрофа.

Цель данной работы – с помощью символической интерпретации проследить эволюцию формирования экологических терминов-концептов с негативным значением на материале русскоязычной и англоязычной культур. Но, поскольку сами понятия, стоящие за такими терминами, разные, в рамках данной статьи мы остановимся лишь на одном из них и проведем анализ термина-концепта «*экологическая катастрофа*».

Постановка проблемы. Необходимо отметить, что термин «*экология*» сравнительно молод: впервые он появился только во второй половине XIX века. Кроме того, «*экологическая катастрофа*» представляет собой словосочетание, в котором определение «*экологическая*» является уточняющим конкретизатором, а главным словом выступает концепт «*катастрофа*», поэтому в первую очередь нас будет интересовать именно он. Обращаясь к различным словарям: специальным экологическим, толковым, этимологическим, мифологическим и религиоведческим, – мы предпримем попытку проследить его путь через два крупных исторических периода, соответствующих двум разным картинам мира: космоцентрической языческой архаике и теоцентрической эпохе мировых религий (для рассматриваемых культур это христианство).

Что такое катастрофа для языческой архаики? Обратившись к этимологии, мы видим, что и русское слово «*катастрофа*», и английское «*catastrophe*» имеют одинаковые истоки: обладая соответствиями во многих европейских языках, они произошли от греческого «*katastrōphē*», означавшего развязку в драме, а вне театра – резкий поворот, перелом, переворот [13, с.386; 14, с.209; 17, с.230], – с той лишь разницей, что в английский язык это слово пришло через латынь, а в русский попало позднее уже из немецкого. Вероятно, этим объясняется тот факт, что, как показал анализ словарных дефиниций, в обоих языках значения совпадают: и в русском и в английском катастрофа – внезапное неожиданное событие, с трагическими последствиями, такими как ущерб, разрушения, жертвы, нарушение существующего порядка. Иными словами, катастрофа – это событие, которое ведет к гибели.

Ответ на вопрос, как катастрофа осмысливается в космоцентрической картине мира, господствовавшей во времена языческой архаики, дают мифы. Уже мифологии древних язычников упоминают о мировых катастрофах: потопе, пожаре, гибели поколения великанов, живших на земле до появления человечества. Календарные мифы о смерти и воскресении природы, о чудовищах, злых духах и силах хаоса, угрожавших существованию космоса, а

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ-КОНЦЕПТЫ С НЕГАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

также о смерти и загробном мире объясняют представления древних о космических циклах – периодах становления и гибели мира. В таких представлениях катастрофа выступает как временная веха, отделяющая один космический цикл от другого.

Позднее этическую оценку в представления о мировой катастрофе приносят эсхатологические мифы. Так, например, согласно скандинавскому мифу, имеющему параллели и в других национальных мифологиях, нарушение родовых норм, кровавые распри родичей, моральный хаос приводит к рангарёк, или гибели богов, после их последней битвы с хтоническими чудовищами, происходившей на фоне страшных природных катаклизмов. В огне сгорает весь мир и гибнут все люди. Но затем мир возрождается снова: выживают и «младшие» боги, и два человека, которые дадут начало человеческому роду.

В этот же ряд становится и известный многим мифологиям миф о вселенском потопе. Только если в случае рангарёк гибнут и люди, и боги, то потоп касается только людей, наказанных богами за нарушение установленных норм. Но и после потопа выживают люди, которые продолжают человеческий род (это и греческие Девкалион и Пирра, и вавилонский Утнапиштим, и ветхозаветный Ной), и начинается новый цикл.

Обобщая изложенное выше языком символики, можно сказать, что природная катастрофа мирового масштаба как событие – будь то потоп, пожар, битва богов – это антинорма, эксцесс. В эмпирической горизонтальной плоскости этот эксцесс проявляется в том, что хаос вторгается во все границы «своего» пространства древнего язычника. Нарушается целостность упорядоченного мира-макрокосма; разрушается мезокосм: «своя» родовая земля, селение, усадьба, жилище; уничтожается микрокосм, то есть гибнет сам человек. Родовые гарантии, которые обеспечивают безопасность человека в горизонтальной плоскости [6], при катастрофе не действуют.

Но некоторым людям во время вторжения хаоса удается сохранить неприкосновенной не только физическую границу собственного тела, но даже «выгородить» себе на время катастрофы некий мезокосм (например, построив корабль / плот / ковчег или укрывшись на горе / высоком дереве / плавающем острове). Это происходит потому, что своей волей их защищают высшие силы: боги или духи. А говоря о воле богов в языческой системе координат, с эмпирической горизонтали мы перемещаемся на ценностную вертикаль, где вверху стоит абсолютное добро, а внизу – абсолютное зло. Избранность, отмеченность богами окажется на положительной полуоси, тяготея к полюсу добра, а ее отсутствие попадет на отрицательную полуось, тяготея к полюсу абсолютного зла. Тогда катастрофа-событие будет располагаться в зоне пересечения «неблагоприятных» участков на обеих осях.

Но нельзя забывать о том, что в архаическом понимании мировые процессы цикличны и именно мировая природная катастрофа знаменует конец одного цикла и начало следующего. Ритмически уничтожая космос, она «лишь расчищает место для следующего» [1, с. 206], означая возрождение и обновление космоса, а значит, и человека и природы как его элементов. Поэтому если, знаменуя конец космического цикла, катастрофа находится на пересечении «неблагоприятных» участков горизонтальной и вертикальной полуосей языческой системы координат, то катастрофу как начало нового цикла можно расположить симметрично, на пересечении «благоприятных» участков вертикали и горизонтали.

С переходом от язычества к эпохе мировых религий на смену космоцентрической архаической пришла новая, теоцентрическая картина мира. Мировой религией, которую восприняли русскоязычная и англоязычная культуры, стало христианство. Какое же место занимал концепт «катастрофа» в христианском миропонимании?

Обратившись к религиозным словарям, мы обнаружили удивительную, на первый взгляд, вещь: концепт «катастрофа» как таковой в них не фигурирует. Однако мы выяснили, что концепт «катастрофа» тесно связан с такими важными христианскими понятиями, как апокалипсис, страшный суд, спасение и чудо.

В религиозных источниках под словом *«апокалипсис»* понимают одну из книг Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова», в которой в символических образах описывается будущее христианства [4, с. 53], но часто это слово отождествляется с содержанием «Откровения» и употребляется как синоним, стоящий в одном ряду с *«концом света»*, *«мировой катастрофой»* и *«страшным судом»*.

Страшный суд, согласно христианскому верованию, это «суд, который последует после конца мира, на котором Судиею явится Сын Божий, пришедший во славу судить живых и мертвых» [8, с. 2122]. Конец мира ознаменует космическая катастрофа: солнце и луна померкнут, звезды спадут с неба, само небо свернется, как свиток, от престола Судьи польется огненная река [1, с. 165]. Иными словами, мировая катастрофа станет предвестником и фоном Страшного суда, на котором каждому «воздастся по делам его». Критерием станет соответствие или несоответствие этих дел Божьим законам: грешники будут осуждены на вечные муки в аду, а праведники попадут в царствие небесное, обретя спасение. Таким образом, в христианском миропонимании мировая катастрофа важна тем, что за ней последует спасение, ее можно назвать своего рода переломным пунктом, той точкой, от которой можно отсчитывать приближение спасения в царствии Божием.

Спасением в христианской картине мира считается предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла – как морального («порабощенности греху»), так и физического (смерти и страдания), полным преодолением отчуждения и несвободы [1, с.161; 8, с.2101-2103]. В язычестве, где идея спасения присутствует лишь в зачаточном виде, человек обращается к своим богам с просьбой о помощи в какой-либо конкретной ситуации. Языческое спасение остается частным, неокончательным, потому что вечный равномерный ритм добра и зла делает всякое безусловное спасение сомнительным. В христианстве же спасение мыслится как духовно-телесное, поскольку оно включает в себя воскресение и просветление тела, но оно спиритуализировано. Прежде всего, спасение – это оправдание, святость, мудрость, вера, надежда и любовь и многообразные «духовные дары» [1, с.162]. Для христианства спастись – значит, в первую очередь, спасти душу, потом спасти тело и только после этого спасти окружающий природный мир.

Это объясняется тем, что в христианстве, как и в других мировых религиях, наивысшим считается уровень божественный, затем уровень человека и только на следующей ступени стоит окружающий мир природы. В отличие от языческих богов, которые по собственной прихоти могут откликнуться или не откликнуться на призыв того или иного молящегося в частной конкретной ситуации, христианский Бог вступает в диалог с каждым верующим как его личный спаситель, защитник и наставник. Поэтому в христианском миропонимании складывается особое отношение к природным эксцессам.

Одним из проявлений природных эксцессов является чудо. Если по архаичным представлениям чудом считалось событие, нарушающее привычный ход вещей, но вполне постороннее, которое можно вызвать при помощи магической техники, то, чему можно «чудиться», то есть удивляться, то с наступлением эпохи мировых религий чудо переосмысливается: теперь оно понимается как снятие волей Бога-Творца установленных им же законов природы. Здесь кроется противоречие: зачем же Творцу устанавливать естественные законы, если потом он их нарушит? Но это противоречие снимается тем, что чудо в мировых религиях приобретает значение знака или знамения, обращенного к человеку. Отсюда понятна образная афористичная формула С.С. Аверинцева, согласно которой чудо мыслится не как «милость, оказанная немногим, но как знак, поданный всем» [1, с.203-204], то есть урок, который человек должен извлечь и усвоить. Бог творит чудеса для достижения важных целей на пути спасения [6, с.2370], именно поэтому для человека так важно усвоить эти уроки.

Как такое понимание чуда-эксцесса позволяет трактовать взаимоотношения человека с окружающей природной средой? С позиций христианства все проявления эксцесса в природе не только позитивные, но и негативные: бедствия и катастрофы следует понимать как уроки,

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ-КОНЦЕПТЫ С НЕГАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

которые даются Богом каждому отдельному человеку на пути к спасению, и человек должен эти уроки усвоить, чтобы обрести спасение самому и спасти окружающий его природный мир.

Выводы. Итак, в христианском образе мира концепт «катастрофа» знаменует приближение Страшного суда, а значит, и дарованного Богом спасения, один из путей к которому может лежать через эксцесс-чудо, которое есть урок, но урок не столько неумолимой надличной справедливости, сколько личностной и потому «Отеческой» милости.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. – К.: Дух и литера, 2000. – 450 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 1998. – 1536 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1989.
4. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: В 2-х кн. Репринтное воспроизведение издания. – М.: Изд-во СПМСИ. Фирма «Символ», СП «Медсервис интернешнл». – Кн. 1. – 494 с.
5. Мифы народов мира: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987, 1988.
6. Новикова М.А. Спецкурс. – <Машинопись>
7. Новикова М.А., Шама И.Ю. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и их английских переводов). – Запорожье: СП «Верже», 1996. – 172 с.
8. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. – М.: Концерн «Возрождение», 1992. – Т. II. – 2464 ст.
9. Руденко Н.С. Экологические термины-концепты: лингвокультурный аспект // Південний архів. Філологічні науки: Збірник наукових праць. Випуск XXIV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С. 230-234.
10. Словарь русского языка: В 4х тт. – М.: Русский язык, 1981.
11. Словарь-справочник по экологии / Сытник К.М., Брайон А.В., Городецкий А.В., Брайон А.П. – К.: Наук.думка. 1994. – 667 с.
12. Снакин В.В. Экология и охрана окружающей среды. Словарь-справочник. – М.: Academia, 2000. – 384 с.
13. Стиль автора и стиль перевода: Учебное пособие /М.А.Новикова. О.Н.Лебедь, М.Ю.Лукинова и др. – К.:УМК ВО при Минвузе УССР,1988. – 84с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 3. – 576 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1999.
16. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 1428 p.
17. Longman Dictionary of Contemporary English / Словарь английского языка: в 2-х томах. – М: Русский язык, 1992. – Т.1, Т.2 – 626 с., 1229 с.
18. Webster's New World Dictionary. – London: Macmillan & Co Ltd, 1962. – 1702 p.

Поступила в редакцию 10.02.2005 г.